

ДАВИДЪ БУРЛЮКЪ.

ХОРЪ БЛУДНИЦЪ.

Мы всегда тяготѣли ко злу,
Завивая свой танецъ нескромный,
Собираяся рощѣ укромной,
Поклонялись любовно козлу.
И носили извивы одеждъ,
Штобъ грѣховнѣй была сокровенность,
Для блудящевзыскующихъ вѣждъ
Нѣжноформъ обольщающихъ пѣнность—
(Не луны замерзающій лучъ)
И не мраморъ блестяще каррарскій
Изступленною страстью тягучъ
Тетивы сухожилия татарской.
Остролоктныхъ угольники рукъ,
Ненасытность и ласкъ и свиваній—
Жгучепламенный розовый кругъ,
Что охочѣй, длиннѣй и желаннѣй...
Мы всегда прибѣгали козлу,
Распустивъ свои длинные косы
И насъ жалили жадныя осы,
Припадавшихъ истомѣ ко злу.

КНИЖНАЯ ОСЪДЛОСТЬ.

И впредь тебѣ стараться надо,
Не быть кочующимъ номадомъ.
Словъ торопящееся стадо
Гони Поэзіи оградамъ!

Автору „Стеньки“.
Васѣ Каменскому.

Разбойники большихъ дорогъ
При свѣтѣ киноваръ-луны.
Корчмѣ пьянить жигучій грогъ
Дальневосточно-стороны.
Тесовой горницѣ купецъ—
Набитый туго кошелекъ,
Отбросивъ блеклый поставецъ,
Ужасозрить смертенкурокъ.
И тройка скачуща опоръ
Лиловоискроглазъ волковъ
Снѣгами занесенныхъ горъ,
Яблококрупныхъ рысаковъ.
Исходотвагъ—прошлостолѣтъ?
Поэзія большихъ дорогъ:
Кистикарминнопистолетъ,
Корчмѣ синедымящій грогъ.

АНТИЧНАЯ ДАМА.

Г. И. Золотухину.
„rien que la nuance“.

Наполнивъ золотую ванну
Плещеослинымъ молокомъ
И видѣть розомаморъ странно,
Торчащій локтя остріемъ.
Хрусталькабинѣ благовоній,
На фонѣбѣло глазъ эмаль
Разцвѣченныхъ взволнованно
Синьиндіана шаль.
Изнѣженная nereida,
Сидящая спина дельфинъ
За эфиопкою сердитой,
Рукахъ утонченный графинъ.
Брегокеанъ красы подушекъ
Простертъ влекущевластный пляжъ.
Цѣпей браслетъ, колець, игрушекъ,
Насилій, войнъ, обмановъ, кражъ.

ПРИРОДА.

Маши воздушнымъ опахаломъ
Цвѣтовъ, кузнечиковъ и пчель.

У лона древлестарыхъ стѣнь
Ты занялася цвѣтоводствомъ,
Чаруя стѣью тонкихъ венъ
На ножекъ бѣломъ превосходствѣ

Слѣжу, смотря тебѣ во слѣдъ,
Што ты возрастишь трудомъ прилежнымъ
На склонѣ изощренныхъ лѣтъ,
На фонѣ тускло-безнадежномъ.
Вначалѣ желтыхъ мотыльковъ
Развѣять звонко надъ полями,
Гдѣ снѣга царствуетъ покровъ.
„Гонимы вешними лучами“
Вслѣдъ землю—Новую Даная
Низринешъ цвѣтмонетоливень.
И станутъ дни подобны раю,
Не нуженъ штыкъ!.. Излишенъ бивень!

2.

Земля забинтована ватой,
Совѣтъ израненный Герой.
Мое согласіе! права ты,—
Зима, упавшая горой!..
 И это, слѣдовательно, надо,
 Штобъ бубенцы и летъ саней,
 И блескъ, и скрежетъ рафинада,
 И лѣсъ, зеркально, безъ тѣней!..
Вошедъ привычку, ставъ натурой,
Лишеніе зеленыхъ красъ
И кочекъ пашни темнобурой
 Не удивляетъ больше насъ,—
 Внезапу вверженныхъ бѣлизны
 Сугробы сѣвероотчизны.

КАТАФАЛКОТАНЦЪ.

Подумать страшно, што пучину
Нисходитъ все, што зримое вокругъ,
По—днѣсь безвѣстному почину
На безсловесный смерти стругъ.
Рявняся высокимъ чиномъ
Простѣйшимъ нищимъ старикомъ
Могиль измѣрены аршиномъ,
Подъ земляной раскисшій комъ.
И сколько было яркихъ лѣсенъ,
Любовныхъ сожигавшихъ чувствъ,
Горячихъ лѣтъ, безмѣрныхъ весенъ,
Помпезно радостныхъ искусствъ,
И сколько было гордыхъ знаній,
И точно выпренныхъ умовъ,
Высокихъ скалъ, роскошныхъ зданій,
Все, все ушло подъ гнетъ холмовъ.
Все стало незамѣтнымъ прахомъ,
Зловонную сочаса гниль,
Заранѣ вычисленнымъ, крахомъ
Руководящихъ жизнесилъ!..

. . . l'artiste est... hanté par
la nostalgie d'un autre siècle.
Haysmans.

Гдѣ друзья? — разбѣжались
на берегъ океана
Гдѣ подруги? — ушли очаро-
ванный лѣсъ.

Мы должны бѣ помѣщаться роскошномъ палаццо
Апельсиновыхъ рощъ золотыхъ Гесперидъ.
Гармоничнымъ стихомъ, наготой упиваться,
Но не гуломъ труда, не полетомъ акридъ.
И должны бы ходить облаченные злато,
Самоцвѣты камней наложивши персты,
Вдохновенно, изысканно и (немного) крылато—
Соглядатаи горнихъ долинъ высоты.
Глубочайшія мысли, напѣвы и струны
Намъ несли бѣ сокровенно-упорный приливъ;
Намъ созвѣздя сіяютъ свѣтила и луны..
Каждый часъ упоеньемъ своимъ молчаливъ.
А питаться должны мы дѣвическимъ мясомъ,
Этихъ легкихъ созданій разсвѣтныхъ лучей
Вѣдь для насъ создана невѣсомая раса.
Со земли, вѣдь для насъ, увлекли палачей..
Ароматовъ царицы—цвѣточные соки
Намъ—снесли, (изошренно кухонный секретъ)!
Намъ—склоняются копыя колосѣвъ высокихъ,
И паучья наука воздушныхъ тенетъ,
И для насъ—эта пьяная тайная Лета
Винъ древнѣйшихъ,—(предъ ними помои—Нектаръ!)
Намъ—улыбокъ, привѣтовъ—безсмѣнное лѣто,
Поцѣлуи, объятія—влюбленности даръ.

РЕДЮИТЪ СРАМНИКОВЪ.

Заброшенной старой часовнѣ,
(Благочестія лунѣ лишаи),
Гдѣ пристрастнѣе, лучше, готовнѣй
Голубые цвѣты тишины,

Подъ покровомъ нелѣпцы темной,
Изъ ножонъ вынимая ножи,
Собралися зарницей погромной
Обсудить грабежей дѣлежи.

Золотая церковная утварь
И со трона навѣсъ парчевой,
Гнѣвъ-слѣпецъ окунувъ эту тварь,

Злобоссорой обострили споръ,
Гдѣ сошлись говорить межъ собой
Взглядъ-предатель, кинжалъ и топоръ.

АРШИНЪ ГРОБОВЩИКА.

На глазъ работать не годится!..
Сколотишь гробъ, мертвецъ нейдетъ:
Топорщить лобъ иль ягодица,
Подъ крышкой лучится живогъ...

Другое дѣло сантиметромъ
Обмѣришь всесторонне трупъ:
Готовно влѣзъ какюту фертомъ—
Червекомпактнорьяный супъ.

На глазъ работать не годиться!..
И трезвый, пьяный гробовщикъ
Не ковыряетъ палкой спицы

Похабноспѣшной колесницы,
Что изступленно верещить
Подоплеухою денницы.

ОБРАЩЕННЫЕ ЗЕМЛЮ.

На косогорѣ—неудобномъ
Для пахоты, работъ, жилья,
Лежить общеніи загробномъ
Персонъ различная семья.

Надъ каждой—холмикъ невысокій
И шаткій перегнившій крестъ,
Овитый высохшей осокой,
(могильныхъ угрызений перстъ)?

Иль сплошь... лишившись поперечинъ,
Торчитъ уныло черный колъ—
Такъ погибающее судно